

УДК 82-311.4
DOI 10.17223/18137083/67/8

М. В. Нисова

Томский государственный университет

**«Трущобы» петербургские и томские:
от подражания до художественной рецепции***

Рассматриваются типы художественного взаимодействия двух произведений, объединенных темой «трущоб»: это роман Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» и В. Курицына «Томские трущобы». Проводится сопоставительный анализ произведений, выявляются сходство и различия романов, определяются особенности их художественного взаимодействия. Делается вывод о том, что провинциальный сибирский автор, опираясь на модель романа Вс. Крестовского, осваивал местный материал, выстраивал свой собственный сюжет, в результате вышедший за рамки первоначальной концепции трущоб.

Ключевые слова: В. Курицын, Вс. Крестовский, художественное взаимодействие, авантюрный роман.

Литературный процесс в дореволюционной Сибири имел свои особенности, обусловленные особым положением региона в составе России. Значительная географическая отдаленность от столиц, уголовная ссылка, малочисленное население, рассеянное на огромной территории – все это определило низкий темп формирования социально-культурной среды, развития гражданского общества. Немногочисленные литературные силы Сибири вынуждены были группироваться в основном вокруг местных органов периодической печати, которые в этих условиях стали базой развития литературного и литературно-критического процессов. В сибирской периодике сотрудничали многие писатели и поэты, которые апробировали новые жанры на страницах газет и журналов. Однако сибирских авторов нередко упрекали в «подражательности» и «вторичности», и эта тенденция сохранилась вплоть до начала XX в., когда на страницах газеты «Сибирские отголоски» начали печататься первые главы нового романа – «Томские трущобы», подписанные «говорящим» псевдонимом Не-Крестовский [1990].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-312-00094/18.

Нисова Мария Викторовна – аспирант филологического факультета Томского государственного университета (просп. Ленина, 66, Томск, 634050, Россия; newspaper_2401@mail.ru)

И название, и подпись автора немедленно вовлекали читателя в своеобразную литературную игру, заставляя вспомнить нашумевший роман Вс. Крестовского «Петербургские трущобы». Современные же исследователи задаются вопросом о том, был ли роман сибиряка простым подражанием модному столичному автору или же речь идет о более сложных формах влияния, своеобразной литературной рецепции, которая связала эти произведения.

Целью настоящей статьи является определение типов художественного взаимодействия двух романов российских писателей – Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы» (опубликован впервые в журнале «Отечественные записки», 1864–1866) и Владимира Курицына (Не-Крестовского) «Томские трущобы» (напечатан в газете «Сибирские отголоски», 1905–1907). Основной метод исследования – сопоставительный анализ, результаты которого позволят решить вопрос о специфике рецептивного освоения романских достижений «большой» русской литературы в провинции.

Прежде чем перейти к сопоставлению романов о «трущобах», необходимо отметить, что вопрос о «вторичности» литературных произведений сибирских авторов был обусловлен, в том числе такой своеобразной чертой российской провинции, как «диахронность» ее развития. Как писал К. В. Анисимов, уже сам «концепт “провинции” и “провинциальности” (встречающийся, кстати, далеко не в каждой стране) порождается исторически сложившейся сверхцентрализованностью Российского государства. <...> В результате возникает ситуация, когда друг другу противостоят не два равноправных полюса, но единственный центр и “задавленная” им окраина. Диалог между неравными полюсами обычно приводит к тому, что противостоящие стороны оказываются на разных временных стадиях развития: с центром связываются понятия “современности”, “моды”, “новизны”; с провинцией – “косности” и “архаики”. Культура провинции, следовательно, оказывается в условиях очень противоречивого диахронического развития. С одной стороны, у нее есть собственная, присущая любому историческому процессу, стадийность, с другой стороны, перед ней постоянно присутствует “раздражающий” коррелят в виду, как правило, опережающего стадийного развития центра» [Анисимов, 1998, с. 12]. В рассматриваемой ситуации авантюрный роман Не-Крестовского, будучи новаторским для местного литературного процесса, неизбежно был «архаичным» и «вторичным» с точки зрения «центра».

Для отечественного литературоведения разговор о «вторичном», чужом, а то и прямо заимствованном не является чем-то новым, особенно сегодня, в период постмодернизма. В многочисленных работах (см., например: [Феоклистова, 1999; Голова, 2006; Константинова, 2006; Рощина, 2010]) анализируются все аспекты художественного взаимодействия, от плагиата до едва уловимых импульсов влияния одного автора на другого. Так, например, Г. Е. Гун выделяет типы художественных взаимодействий по двум основаниям. Первая типология основана на направленности взаимодействия: художник испытывает влияние извне или оказывает влияние на других; вторая типология носит внутривидовой и межвидовой характер [Гун, 2011, с. 104]. Ю. Б. Борев подразделяет художественные взаимодействия на десять типов: новаторское продолжение традиций, отталкивание, заимствование, влияние, подражание, пародирование, эпигонство, соревнование, концентрация, растворение творчества крупного художника в последующем художественном процессе без утраты самостоятельного художественного и эстетического значения его произведений [Борев, 1981, с. 399].

Анализируя художественное воздействие романа Вс. Крестовского на сибирского автора начала XX в., мы исходили из гипотезы о том, что В. Курицын, сознательно заявляя в названии своего произведения тему «трущоб», стремился придать своему роману узнаваемые черты и тем самым повысить его востребованность у неприятельного массового читателя. Однако развитие сюжета, на-

сыщение его местным материалом изменило первоначальную концепцию В. Курицына, что позволяет говорить о более сложных формах воздействия литературного образца на творчество провинциального писателя.

Два романа о «трущобах»

Прежде чем перейти к сопоставительному анализу произведений, необходимо дать им краткую характеристику и обозначить основные сюжетные линии романов.

Действие романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» происходит в северной столице России во второй трети XIX в. У каждого из супругов Шадурских, Татьяны Львовны и Николая, рождаются внебрачные дети – Мария Поветина и Иван Вересов. Мать новорожденной девочки, двадцатипятилетняя княжна Анна Чечевинская, которую соблазнил Шадурский, скрывает беременность и рождает втайне от своей матери. Затем всеми покинутая, без средств к существованию она оказывается в трущобах Петербурга, где спустя двадцать лет встретится с собственной дочерью Машей Поветиной. Она, в свою очередь, была воспитана богатыми стариками Поветинными, затем стала содержанкой молодого князя Владимира Шадурского, но очень быстро надоела ему и была вынуждена искать приюта на петербургских улицах. Именно там она встретилась со сводным братом Иваном, которого воспитали у майора Спицы без родительской ласки. Его отец, управляющий финансами семьи Шадурских, Морденко, всю жизнь воплощал план мести Шадурским – скупал векселя, чем довел семью до полного банкротства. Чистый душой Иван Вересов заканчивает жизнь самоубийством, узнав о смерти Маши Поветиной, которая умерла в публичном доме от чахотки.

Роман «Томские трущобы» начал публиковаться в томской газете «Сибирские отголоски» в 1905 г., затем до 1907 г. там же вышли еще две части этого романа под заголовками «Человек в маске» и «В погоне за миллионами» (не окончен). Все эти произведения связаны общим сюжетом и общими героями, что дает возможность говорить о них как о едином романе.

События «Томских трущоб» разворачиваются на томских улицах начала XX в., в Барнауле и в красноярской тайге. Действующие лица – местные уголовные авторитеты Сенька Козырь, Федька Беспалый, грабитель и убийца Филька Кривой, бывшая «этуаль» Екатерина Михайловна, карточный шулер Станислав Гудович и его сестра полька Ядвига Казимировна, сыщик Залетный, местный предприниматель Сергей Загорский, золотопромышленники Беркович, Бесшумных и другие. В Томске членами банды «Мертвая голова» под предводительством таинственного Человека в маске совершаются разбои и нападения, сыщик Залетный пытается разоблачить мошенников. Часть героев оказываются втянутыми в преступления, среди них местный уголовный авторитет Александр Пройди-Свет, которого, по слухам, убил сам Человек в маске. Горячо его любившая Екатерина Михайловна решает отомстить за смерть сердечного друга. Вместе с Сенькой Козырем она разрабатывает план, в результате чего оказывается убитым атаман банды «Мертвая голова», в котором Екатерина Михайловна внезапно узнает Александра Пройди-Света. Жажда быстрого заработка приводит компанию золотопромышленников, пытавшихся разгадать тайну «Золотого ключа», к трагической гибели.

Выбор жанра: продолжение традиции

Произведения обоих авторов могут быть отнесены к жанру авантюрного романа-фельетона о социально неблагополучном обществе, который приобрел большую популярность в середине XIX в., когда мир отверженных стал все больше

привлекать внимание как зарубежного, так и российского читателя. Одним из первых крупных произведений этого жанра стал роман «Парижские тайны» Эжена Сю, который принес своему автору «шумный успех и верную прибыль»: он «оказался подлинным общественным событием», способствующим распространению демократических и социальных идей [Зенкин, 1989, с. 10]. Вслед за ним стали появляться «Лондонские тайны» (П. Феваль), «Лиссабонские тайны» (К. Каштелу-Бранку), «Марсельские тайны» (Э. Золя), «Новые парижские тайны» (Л. Мале), «Лионские тайны» (Ж. де ла Ир) и др.

В России тема «тайн» трансформировалась в тему «трущоб»: под влиянием произведения Э. Сю в 1860-х гг. были написаны «Петербургские трущобы» Всеволода Крестовского¹, в 1893 г. вышел в свет роман «Ростовские трущобы» Алексея Свирского, а в начале XX в. в Сибири появились свои, «Томские трущобы» Не-Крестовского (В. Курицына). Таким образом, роман В. Курицына изначально оказался частью давней литературной традиции, зародившейся в европейском художественном пространстве и дошедшей до глубокой российской провинции как с «унаследованными правилами», так и определенными модификациями [Матвеевко, 2014, с. 235].

В. Курицын обозначил свое вхождение в эту традицию одновременно двумя «вехами»: названием и выбором псевдонима. Однако определением жанра как «уголовного романа-хроники» сибирский автор заявил о своем следовании и другой традиции – романа детективного, криминального, черты которого, действительно, явственно прослеживаются в «Томских трущобах». Эта двойственность, с самого начала проявившаяся в новом романе, во многом определила его специфику. Однако целый ряд общих черт свидетельствуют о том, что оба романа – и Вс. Крестовского, и В. Курицына – были характерными представителями жанра авантюрного романа-фельетона и сибирский автор сознательно использовал художественные достижения своего предшественника в выстраивании своего сюжета.

Тем не менее целый ряд общих черт позволяет говорить о несомненном сходстве романов, о сильном художественном влиянии Вс. Крестовского на первоначальный замысел произведения В. Курицына.

Авантюрный сюжет как основа романов

Первым общим элементом «Петербургских трущоб» и «Томских трущоб» является авантюрный сюжет с элементами тайны, образующий основу исследуемых произведений. Они выстроены на таких параметрах авантюрного времени, как «внезапность» и «случайность» (М. М. Бахтин), потому что оно действует там, где заканчивается нормальная череда событий и сменяется нестандартной чистой случайностью.

В романе Вс. Крестовского судьбы героев переплетаются неожиданным образом, настоящие имена персонажей зачастую остаются неизвестными вплоть до последних глав произведения. На протяжении всех «Петербургских трущоб» автор помещает героев в рискованные проблематичные положения, из которых они выбираются на глазах у читателя. Произведение наполнено убийствами, ограблениями, обманами, коварством. Молодой князь Шадурский обольщает Анну Чечевинскую; княгиня фон Шпильце ему же помогает обманом обольстить Бероеву; служанка Наташа, напоив больную княгиню Чечевинскую опиумом, крадет у нее из шкатулки большую часть денег и бежит в Финляндию с поддельными паспортами. Отбиваясь от Шадурского, Юлия Бероева вонзает ему в горло

¹ Заметим, что сериал, снятый на основе этого романа, был назван «Петербургские тайны» (к/ст «Останкино», 1994).

серебряную вилку: князь ранен, Бероева арестована, младенец продан нищим, у которых умирает в страшных мучениях. Однако главным сюжетобразующим элементом всего романа является тайна, связанная с внебрачными детьми Шадурских: Маша Поветина и Иван Вересов, выросшие в разных семьях, внезапно встречаются, но только в финальных главах узнают о родственных связях. Именно этот сюжет держит читателя в постоянном напряжении из-за непредсказуемости событий, создает ощущение действия роковых сил на судьбы героев.

Как и в произведении Вс. Крестовского, в «Томских трущобах» присутствуют внезапные переплетения судеб и роковые совпадения в жизни героев. Но в этом романе больший акцент сделан на детективную составляющую, поэтому мотивы узнаваемости встречаются реже, а внезапные встречи, внебрачные дети вовсе отсутствуют. Произведение наполнено риском, авантюрой, напряженным ожиданием потому, что Курицын описывает будни криминальных авторитетов дореволюционного Томска, преступления, подлоги, кражи, убийства. Одни мошенники грабят дом купца, другие пытаются узнать тайну Золотого Ключа, третьи – крадут несгораемую шкатулку у очередной мошенницы, красавицы панны Ядвиги. Однако за всеми этими мелкими преступлениями читатель постоянно чувствует присутствие главной тайны: Человека в маске, имя которого остается неизвестным вплоть до последней страницы романа. Это существование «основной тайны», которая проходит красной нитью как в одном, так и в другом романе, позволяет говорить об их типологическом сходстве, общем следовании традициям авантюрного романа.

Еще одним элементом, который был характерен для авантюрного романа и присутствовал в обоих произведениях, можно назвать затрагивание табуированных, откровенных сцен. Это не было индивидуальным авторским стилем, здесь можно говорить о типологической традиции авантюрных произведений. Так, автор «Петербургских трущоб» описывает откровенные сцены, в частности, когда генеральша фон Шпильце заманивает к себе Юлию Бероеву, поит особым напитком, заставляющим Юлию отдаться князю Владимиру Шадурскому. Герои произведения В. В. Курицына также нередко оказываются в «пикантных» ситуациях:

Девушка, в порыве охватившего ее чувства, была прекрасна. Пеньюар ее сполз с плечи и обнажил молодую, трепетно поднимающуюся грудь. Вся она была воплощением безумной страсти [Не-Крестовский, 1990, с. 36].

Таким образом, на уровне романного сюжета можно говорить о следовании и Вс. Крестовского, и В. Курицына традициям авантюрного романа; в этом отношении воздействие столичного автора на своего «сибирского последователя» проявилось в выборе жанра и «привязки» места действия к определенным, узнаваемым географическим объектам: Петербургу в первом случае и к Томску – во втором.

Нарративная стратегия: роман-фельетон

Романы Вс. Крестовского и В. Курицына, как и многие художественные произведения русской дореволюционной литературы, впервые увидели свет на страницах периодических изданий. Однако сходство романов заключалось не столько в способе их публикации, сколько в том, что они были задуманы как романы-фельетоны, использовали особенности периодической печати для выстраивания структуры и сюжетных ходов. Н. Т. Пахсарьян подчеркивает: «...чтобы роман стал “фельетоном”, недостаточно просто разделить повествование на фрагменты и отдать в печать, требуется определенная нарративная стратегия, создающая

определенный ритм повествования и ритм романной интриги» [Пахсарьян, 2004, с. 13].

Эта специфика была более заметна в романе «Томские трущобы», поскольку он печатался в газете, то есть органе периодики меньшего объема – но большей по сравнению с ежемесячным журналом периодичности. Однако она была характерна и для «Петербургских трущоб»: главы произведений были небольшого объема, они могли быть автономным рассказом внутри основного повествования, в то же время содержали развязку одной и завязку другой главы. Названия глав не столько объясняли содержание, сколько подогревали читательский интерес: «Томский Шерлок Холмс в опасности» [Не-Крестовский, 1990, с. 57], «Путь приближается к концу» [Там же, с. 191]; «Ближайшие последствия покражи» [Крестовский, 2017, с. 76], «Фабрика темных бумажек» [Там же, с. 625]. С этой же целью главы, как правило, обрывались «на самом интересном месте», заставляя ждать следующего номера газеты, чтобы узнать развязку напряженного момента, конфликтной ситуации. В. Курицын мастерски «подогревал» интерес читателя. Например, глава 22 «На волосок от гибели» заканчивалась так:

Около садовой решетки он остановился, пораженный одной догадкой.

– Черт побери! Как это ранее не пришло мне в голову?! [Не-Крестовский, 1908, № 198]

Соответственно предполагалось, что следующая глава начнется с объяснения этой неожиданной догадки романного персонажа.

Выбор формы романа-фельетона не был случайностью для обоих авторов: они рассчитывали на массовую аудиторию, которая в первую очередь заинтересовалась бы и авантурным сюжетом, и заявленными тайнами «трущоб». Массовый читатель благодаря литературе такого рода приобретал привычку к чтению периодической печати, становился не просто случайным – а постоянным потребителем информации, публикуемой в газетах и журналах. Для воспитания такого рода «привычки» именно роман-фельетон, с его постоянными отсылками к предыдущим событиям, с обещанием продолжений и разгадок тайн, подходил как нельзя лучше. В этом отношении и Вс. Крестовский, и Не-Крестовский также являлись подтверждениями наблюдений, сделанных в отношении зарубежного романа-фельетона: исследователи этого жанра утверждали, что «более популярного, более распространенного, более влиятельного в социальном отношении жанра в литературе не существует. Какой-нибудь романист-фельетонист, нынче забытый, имел в свое время в десять, в сто раз больше читателей, чем Флобер. Какой-нибудь усердный фельетонист читается в предместьях и местечках, в которые никогда не проникал Анатолий Франс» [Серж, 1927, с. 42].

«Документальность» в романах о «трущобах»

Одной из общих черт романов Крестовского и Не-Крестовского является сочетание вымысла с реальными жизненными фактами. В этом отношении сибирский автор прямо следовал примеру Вс. Крестовского, который явно выдуманную историю князей Чечевинских и Шадурских развернул на фоне реальной топографии и социально-бытовой жизни Санкт-Петербурга 60-х гг. XIX столетия. В романе «Петербургские трущобы» были описаны существующие петербургские улицы, дома, общественные заведения. Писателем раскрывались злободневные темы, волновавшие публику в те годы: рост революционного движения (арест по политическим мотивам Бероева); критика поклонения иностранцам (тема иезуита Вильмена); скептическое отношение к филантропии (рассказ о филантропках из высшего света); сатирическое обличение больничных порядков (глава «В больнице»), нравов и быта тюрьмы (четвертая часть «Заклученники»).

В. Курицын также описал положение дел в Томске, весьма близкое к действительности: в повествовании использовались реально существующие названия улиц – Магистратская и Обруб, Аптекарский переулок, Межениновка, заведений – гостиница «Европа», цирк, ипподром. Город Томск в конце XIX – начале XX в. был опасным местом, где постоянно грабили и убивали людей, подкидывали младенцев, устраивали поджоги и погромы: страницы томской дореволюционной периодики предоставляют любому желающему возможность самостоятельно убедиться в том, что томские будни были наполнены насилием и уголовщиной. Благодаря В. Курицыну читатели получали возможность заглянуть в этот закрытый «параллельный мир» криминала, с которым обыватели были постоянно вынуждены существовать бок о бок, практически не имея возможности от него защититься.

Кроме того, во второй части романа – «Человек в маске» – В. Курицын, окрепший, «набивший руку», вышел за пределы Томска, значительно расширив топос повествования. Его герои едут на Алтай, в Барнаул, Минусинск, Иркутск, затем в Москву и Санкт-Петербург. Из трущоб читатель перемещается в тайгу, знакомится со спецификой приисковой жизни, что добавляет произведению местного колорита. Автор нередко делает ремарки, задерживаясь на обрисовке социально-культурной обстановки Сибири:

Хлебопашеством усинцы занимались мало. Главным источником их доходов являлось пчеловодство и охота. Население состояло преимущественно из раскольников, ревностно сохраняющих устои старины. Раскольники и были, собственно, первыми насельниками этого глухого таежного уголка. Их топоры отвоевали у дремучей тайги место для заселья, проложили дороги.

Открытие золотых приисков в южной части Минусинского округа значительно подняло благосостояние села.

Но наряду с этим, близость приисков внесла деморализующее начало в патриархальный уклад сельской жизни.

Молодежь стала баловаться. Появились такие потребности и вкусы, о которых раньше в этой таежной глуши и не слыхивали [Не-Крестовский, 1909, № 171].

Своеобразным доказательством документальности произведений, свидетельством хорошего знакомства авторов с предметом изображения стало активное использование арго. Это было способом погружения в мир преступности, в жизнь трущобного мира, создания так называемого эффекта присутствия. Лингвистическая составляющая становится фактором доверия к тексту, к автору, к описываемым событиям, что было особенно необходимым вследствие неподготовленности читателя к сценам петербургских и томских трущоб.

Язык «Петербургских трущоб» неоднократно становился предметом исследования и критики. Так, Н. Н. Шарандина акцентирует внимание на том, что цель арго в «Петербургских трущобах» – дать речевую, профессиональную и социальную характеристики персонажей, выделяет арго профессий, каторжников, ссыльных, нищих, местное, мошенников, тюремное, арго сект [Шарандина, 2000, с. 231]. Г. В. Сафьянникова выделила 250 жаргонизмов, использованных Вс. Крестовским [Сафьянникова, 2017, с. 148].

Н. В. Серебренников, обращая внимание на резкие оценки сибирских областников романа Вс. Крестовского, предполагал, что «Потанина и Ядринцева, пробывших много лет в заключении, могла раздражать нарочитость уголовного сленга в “Петербургских трущобах”». Они также обратили внимание на то, что к слову «жиган» Крестовский дал ошибочное примечание: «сибирское прозвание каторжников». По мнению исследователя, именно эта деталь послужила основа-

нием для того, чтобы областники решили: Крестовский «погрешил в художественном отношении», «картина с гордым “дядей жиганом” оказалась лживою из-за неверно понятого слова» [Серебренников, 2003, с. 130].

Автор «Томских трущоб» также заботился о том, чтобы создать впечатление знатока арго. Как и Крестовский, в своем романе он расшифровывает значения употребляемых слов уголовного мира. Арготическая лексика «Томских трущоб» могла бы стать материалом для лингвистического анализа, так как отражает состояние периферийного жаргона, в частности приисковского, не распространенного в европейской части страны:

Поясняем нашим читателям, незнакомым с приисковой терминологией, что «нижниками» называются рабочие, несущие самый тяжелый род труда – работу внизу шурфа, часто по колено в воде [Не-Крестовский, 1909, № 197].

Акцент на «документальности», свойственный обоим авторам, стал еще одним фактором, позволявшим читателям безошибочно уловить воздействие Вс. Крестовского на сибирского последователя. В. Курицын подчеркивал свое стремление вслед за столичным мэтром переместить героев в мир узнаваемых «трущоб», подчеркнуть «реальность» изображаемых событий использованием особой лексики.

«Социальный роман» против детектива

Все вышеперечисленные элементы подражательности, сознательно обозначенные В. Курицыным, при ближайшем рассмотрении оказывались лишь «приманками», которые служили для привлечения читательского внимания. Дальнейшее повествование и развитие сюжета свидетельствовали о том, что Курицын все дальше отходил от первоначальной концепции трущоб, выстраивал собственный романский мир, в котором были максимально усилены элементы уголовного и детективного романа и минимально проявлены черты романа социального.

Исследователи подчеркивают, что уже Вс. Крестовский, следуя традиции европейского авантюрного романа («Парижские тайны» Эжена Сю), определял свое произведение как «книгу о сытых и голодных». Тем самым он обозначил постановку социальных задач, вышел за рамки бульварного криминального романа. Вс. Крестовский, начиная с предисловия, берет на себя функцию морализаторскую, его цель – исследовать духовные искания и идейную борьбу униженного и оскорбленного человека. Автор обвиняет общество в том, что оно не развивает положительные стороны личности, качества характера, а подавляет их, извращая человеческую природу. Зачастую Вс. Крестовский несколько поэтизирует существование простого человека, утверждает его достоинство, его впечатляет добродетель падшей женщины, усердный труд бедняка, честность мелкого лавочника:

Это наше, это продукт нашего общества, эти отверженные женщины всецело принадлежат тебе, наше общество, и тебе же обязаны своим положением, возмущающим всяку душу живую! Так смотри же на них и поучайся, если можешь, но не клейми своим презрением, не клейми проклятием отвержения, потому что на это, по совести, ты не имеешь законного права [Крестовский, 2017, с. 820].

В. Курицын же на протяжении всех «Томских трущоб» не претендует на решение социальных задач. В его произведении акцент на авантюрном сюжете становится столь сильным, что затмевает идею социальной несправедливости и вытекающий из нее конфликт между личностью и обществом. В. Курицын погружает читателя на социальное «дно» и оставляет его наедине с информацией

для размышления: он не проговаривает прямо, но предлагает читателю самостоятельно сделать вывод о том, чем могут закончиться жажда легкой наживы, аферы и кутежи. Большинство его героев не пытается заработать честным трудом, а использует легкие и зачастую противозаконные пути заработка, затем получая возмездие за содеянное. Самый умный и ловкий его герой, Загорский (он же Человек в маске) – убит; Иван Кочеров, главный действующий персонаж первой части романа – приговорен к смертной казни; не избежали наказания и другие действующие лица романа:

Легкомысленному любителю приключений не удалось, однако, избежать законной кары. Он был задержан в Ново-Николаевске. Филька Кривой и Сергей были присуждены к каторге на разные сроки [Не-Крестовский, 1909, № 33].

Описав криминальный Томск в первой части произведения, В. Курицын усиливает и развивает детективную сторону романа во второй, где центральным становится процесс поиска и разоблачения преступника, дешифровка знаков и кодов: сыщик-любитель Залетный не верит в мистическое происхождение Человека в маске, пытается обличить таинственного главаря банды «Черная голова», постоянно подвергаясь опасности и получая конверты с изображением черепа. Преследование и опасность добавляют сюжету динамики и интриги, характерной для детектива:

Осторожно, не боясь уже быть замеченным в темноте наступающей ночи, Залетный вылез из бочки и пополз по направлению к флигелю. Два или три раза он останавливался, задерживая дыхание.

Душа его переживала тот сложный момент страха и безумного риска, который знаком только людям, становившимся лицом к лицу со смертельной опасностью [Не-Крестовский, 1908, № 179].

Герои нередко меняют внешний вид, выдают себя за других персонажей. Эффектным является визит фиктивного английского сэра Джонсона, которого изображает Артемий Залетный. Он же переодевается для преследования атамана – Человека в маске:

Залетный заперся в своей комнате и принялся совершать туалет, готовясь к новой экспедиции. Он надел парик, бороду, загримировал лицо, короче говоря, совершил полную метаморфозу своей внешности [Там же, № 203].

Вообще мистификация играет большую роль в «Томских трущобах», и главная линия здесь связана с Человеком в маске. Автор намеренно окружает его нераскрытыми тайнами: он появляется и исчезает внезапно, мотивы его поступков не раскрываются, а объяснение сокрытия маской лица дается, как правило, в форме сверхъестественных версий:

Потому, может... что обличие у него нелюдское... Вы, вот, смеетесь, а мне порой сдается, чертов он крестник, не иначе! [Не-Крестовский, 1909, № 106]

Подчеркнем, что детективная линия присутствует и у Вс. Крестовского, но в «Петербургских трущобах» она представляет собой скорее ряд разрозненных сюжетов, детали которых постепенно открываются читателю. Автор в данном случае сконцентрирован на решении социальных задач, детективный сюжет является второстепенным и служит прежде всего фоном для построения общей картины.

«Красота – мое богатство»: ценности «трущоб»

В сложном, многолинейном сюжете «Петербургских трущоб» постоянным мотивом является борьба героев, волей случая оказавшихся в проблемной ситуации, с социальной и экзистенциальной несправедливостью. Читатель, осведомленный о подоплеке происходящих событий, сопереживает героям положительным (Маша Поветина, Иван Вересов, Борова и др.) и разделяет авторское возмущение поступками отрицательных персонажей. Красной нитью в романе проходит мысль о том, что главная ценность человеческой личности – нравственные устои, уверенность в собственной правоте, что помогает в самых сложных, трагических ситуациях.

В романе же Не-Крестовского положительных персонажей нет: ни одно действующее лицо «Томских трущоб» не вызывает особых симпатий. Крайне редко они поступают, руководствуясь добродетелью, принципами порядочности и честности, стремятся к справедливости. Исключительны проявление положительных качеств характера: пожалуй, во всем романе можно выделить только один эпизод, когда Сенька Козырь спасает деревенскую шестнадцатилетнюю девочку Олю, состоящую в публичном доме и подготовленную на насильное выданье за старика Берковича:

В душе беглого каторжанина, закоренелого преступника, смутно зашевелилось чувство сострадания. Так в остроге можно наблюдать сцену, когда арестант, хладнокровно отправлявший к праотцам не одного человека, всаживал нож в бок своему товарищу за изувеченного котенка, любимца камеры... [Не-Крестовский, 1909, № 106]

Герои Курицына, оказавшиеся перед нравственным выбором, идут по пути наименьшего сопротивления – и редко сожалеют об этом после. Единичны случаи, когда персонажи «Томских трущоб» размышляют о содеянном:

Теперь, когда было все кончено, он понял, как глупо и безрассудно они погубили человека. В уме выплывала пугающая мысль о неизбежной ответственности [Не-Крестовский, 1908, № 156].

Отдельного внимания заслуживает факт отсутствия убедительной любовной линии в «Томских трущобах». Это соответствует канонам не авантюрного, а детективного произведения: в романе не должно быть любовной линии, все силы в таком произведении направлены на то, чтобы отдать преступника в руки правосудия (подробнее см.: [Булычева, 2013, с. 35]). Все сюжеты, связанные с любовными увлечениями героев «Томских трущоб», быстро заканчиваются, причем в основном трагически: «этуаль» Екатерина Михайловна хочет отомстить Человеку в маске за убийство своего возлюбленного Александра Пройди-света, не подозревая, что это один и тот же человек, – и, убив главного злодея, сходит с ума; цыганка Зара, сообщница Человека в маске, любит Сеньку Козыря, но не соглашается с ним бежать, оправдываясь страшной тайной, связывающей ее с таинственным преступником, и т. д. В большинстве случаев отношения в романе носят «утилитарный», практический характер. Одна из центральных фигур, панна Ядвига, встречается с золотопромышленником ради капитала; она любит Загорского, но, повинаясь его требованиям, становится содержанкой богачей. В свою очередь Загорский ухаживает за Ниной, надеясь завладеть капиталом ее семьи. Любовь носит своеобразную форму:

...Проводив Сергея, девушка не могла уже больше спать. Несмотря на оригинальную форму их сожительства, допускавшую частые измены любовнику, она была привязана к нему всей душой.

– Смотри же, пиши мне с дороги, а то я буду очень скучать [Не-Крестовский, 1909, № 33].

Вообще ценности героев сводятся в основном к деньгам. «Капитал – сила», – говорит золотопромышленник Бесшумных, потирая руки. «Красота – мое богатство», – подчеркивает панна Ядвига, внешность которой является приманкой для азартных игроков в игорном доме Загорского.

В романном пространстве «Петербургских трущоб» автор активно отстаивает главные человеческие ценности своих героев, он детально разбирается во внутреннем мире персонажей, обстоятельствах, приведших к той или иной жизни, поступку. Произведение наполнено подробными ремарками автора о героях с несколько морализаторской интонацией. Неудивителен тот факт, что в романе «о сытых и голодных» зачастую первые – обеспеченные представители светского общества (Шадурские, баронесса фон Шпильце, Морденко) – оказываются отрицательными персонажами. Описывая мошенников, падших женщин и воров, автор говорит словно в оправдательном тоне, осуждая несправедливое, эгоистичное и равнодушное общество. Все светлое и человеческое связано с народом, темное и жестокое – с верхушкой общества. Это соответствует романным традициям мировой литературы («Граф Монте-Кристо» А. Дюма, «Парижские тайны» Э. Сю и др.).

В свою очередь, В. Курицын, беря на себя функцию провожатого в криминальный мир, не делает морально-нравственных ремарок, касающихся преступления и наказания. Его присутствие в тексте заметно только тогда, когда он от третьего лица кратко напоминает читателю о контексте той или иной событийной линии, характере персонажа. Например: «Напоминаем нашим читателям, каким путем сыщик пришел к окончательному выводу» [Не-Крестовский, 1908, № 190]; «В предыдущих главах романа нами были описаны два аналогичные по обстановке случая смерти от неизвестных причин. В обоих случаях жертвами являлись молодые девушки» [Не-Крестовский, 1909, № 14].

Можно констатировать, что в ценностном аспекте В. Курицын даже в первой части своего романа, наиболее близко соотносящейся с «Петербургскими трущобами», не шел вслед за своим предшественником. Его «трущобы» – мир наживы, бездуховный, беспринципный, жестокий мир преступников, готовых в любой момент предать друг друга ради денег. Наказания за проступки персонажей воспринимаются читателями как неизбежные и справедливые; единичные проявления доброты, сопереживания, любви заканчиваются в романе трагически.

Выводы

Таким образом, сопоставительный анализ романов Вс. Крестовского и Не-Крестовского позволяет сделать следующие выводы.

«Томские трущобы» и «Петербургские трущобы» имеют общие черты, обусловленные типологическим сходством и использованием авантюрного сюжета (традиция авантюрного романа), способом публикации (определившей форму романа-фельетона), опорой на местный материал, использованием авторами жаргонной лексики. Сибирский автор явно подражал своему предшественнику, выбирая для своего романа определенный жанр, авторский псевдоним и собственно название, связанное с «трущобами». В. Курицын перенес в первую часть «Томских трущоб» существующие в романе-предшественнике элементы художественной системы (сюжетная схема, характеристики героев и др.), поместив их в новый контекст.

Однако уже на уровне жанрового определения В. Курицын заявил об отходе от традиции «Петербургских трущоб»: это не остросоциальный исторический роман, не «роман о сытых и голодных», а уголовный роман-хроника с элементами

детектива. И это различие все больше смещается в сторону детектива и даже приключенческого романа (сюжет о поисках Золотого Ключа, схватка разбойников с казаками и т. д.). Влияние «литературного образца» становится минимальным, оно «растворяется» в новом сюжете, становится только одним из многочисленных влияний других авторов. Во второй, а особенно в третьей части романа явно прослеживается стивенсовская традиция (курицыновский «клуб обреченным Ваалу» вызывает прямые ассоциации с «Клубом самоубийц» Стивенсона); несомненно, знакомство Курицына с творчеством Конан Дойла обусловило появление в романе «томского Шерлока Холмса» и т. д.

Таким образом, в отношении романа Курицына можно говорить скорее о процессах рецептивного освоения романских достижений общероссийской и мировой литературы в провинции, чем об обычном подражании сибирского автора столичному. Использование модели «Петербургских трущоб» дало Курицыну возможность первоначального освоения местного материала, вовлечения читателя в «литературную игру», – чтобы затем, оттолкнувшись от «трущобного» сюжета, выйти на новый уровень художественной рецепции, выстроить повествование, в котором органично сочетались элементы детектива, приключенческого и авантурного романов. Конечно, это привело к обеднению социальной стороны произведения, к отказу от утверждения нравственных ценностей, – что частично компенсировалось повышением авантурной динамики романа.

Первоначальная исследовательская гипотеза, таким образом, подтвердилась. Действительно, на первом этапе В. Курицын сознательно акцентировал в своем произведении традицию, заложенную Вс. Крестовским, который, в свою очередь, ориентировался на европейскую концепцию «романа о тайнах». Однако первоначальная концепция была изменена, и продолжение романа В. Курицына означало отход как от «социального романа», так и от воздействия столичного автора. Именно поэтому мы можем говорить в отношении исследуемых романов о такой более сложной форме художественного взаимодействия, как рецепция.

Список литературы

- Аверкиев Д. В.* Всякому по плечу // Эпоха. 1865. № 2.
- Анисимов К. В.* Круг идей и эволюция сибирской прозы начала XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Томск: ТГУ, 1998. 178 с.
- Борев Ю. Б.* Эстетика. М.: Политиздат, 1981. 399 с.
- Булычева В. П.* Структурно-композиционные особенности детективного жанра // Актуальные вопросы филологических наук: Материалы II Междунар. науч. конф., Чита, июль 2013 г. Чита: Молодой ученый, 2013. С. 32–38. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/80/4068/> (дата обращения 17.10.2018).
- Голова К. В.* Рецепция творчества Э. Т. А. Гофмана в русской литературе первой трети XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2006. 199 с.
- Гун Г. Е.* Процессы взаимодействия в художественной культуре // Вестн. Магнитогор. гос. тех. ун-та. 2011. № 3. С. 103–105.
- Зенкин С. Н.* Мечты и мифы Э. Сю // Сю Э. Парижские тайны. Т. 1. М., 1989. С. 9–10.
- Константинова Н. В.* «Гоголевский текст» в ранних произведениях Ф. М. Достоевского: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 230 с.
- Крестовский В. В.* Петербургские трущобы. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2017. 1213 с. (Полное издание в одном томе).
- Матвеев И. А.* Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х годов: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2014. 281 с.

Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 156. С. 2; № 179. С. 2; № 190. С. 2; № 198. С. 2; № 203. С. 2; 1909. № 14. С. 2; № 33. С. 2; № 106. С. 2; № 171. С. 2; № 197. С. 2.

Не-Крестовский [В. Курицын]. Томские трущобы. Томск: Красное знамя, 1990. 215 с.

Пахсарьян Н. Т. Читатель и писатель во французском романе-фельетоне XIX века // Филология в системе современного университетского образования: Материалы межвуз. науч. конф., 22–23 июня 2004 г. М., 2004. Вып. 7. С. 12–17.

Рощина О. С., Фарафонова О. А. Пушкинский текст в лирике А. А. Фета // Текст и тексты: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск, 2010. С. 74–87.

Сафьянникова Г. В. Фразеологические выражения в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6(72). С. 147–149.

Серебренников Н. В. Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и Вс. В. Крестовский // Вестн. Том. гос. ун-та. 2003. № 277. С. 129–132.

Серж В. Современный французский фельетон // Фельетон: Сб. ст. / Под ред. Ю. Тынянова, Б. Казанского. Л.: Academia, 1927. 42 с.

Феоклитова В. М. Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70–90-х годов XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 227 с.

Шарандина Н. Н. Арготическая лексика в функциональном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000.

M. V. Nisova

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation, newspaper_2401@mail.ru*

“Slums” of St. Petersburg and Tomsk: from imitation to artistic reception

Modern literary criticism is actively studying the types of artistic interaction: repulsion, borrowing, influence, imitation, parody, and others. The paper examines these phenomena in the works of Vs. Krestovsky “The Slums of St. Petersburg” (published for the first time in the journal “Otechestvennye zapiski” (1864–1866)) and V. Kuritsyn “The Slums of Tomsk” (published in the newspaper “Sibirskiye otgoloski” (1905–1907)). Considering Kuritsyn’s novel, one can find the processes of receptive mastering of new achievements of all-Russian and world literature rather than the usual imitation of the capital city writer’s style by the Siberian author. Using “The Slums of St. Petersburg” as a model, Kuritsyn could master the local material at first and involve the reader to the “literary game” so that to reach later a new level of artistic reception and compose a narrative combining the elements of a detective and adventure novel. It resulted in the impoverishment of the social aspect of the work and rejection of the moral value establishment, partially compensated by an increase in the adventurous dynamics of the novel. Thus, the original research hypothesis was confirmed. At first, V. Kuritsyn consciously emphasized in his work the tradition of Vs. Krestovsky, who was guided by the European concept of a “mystery novel.” However, the original concept was changed, and the novel revealed a departure from both the “social novel” and the influence of Vs. Krestovsky. That is why we can consider a more complex form of artistic interaction, such as a reception, in the novels under study.

Keywords: V. Kuritsyn, Vs. Krestovsky, artistic interaction, adventurous romance.

DOI 10.17223/18137083/67/8

References

- Anisimov K. V. *Krug idey i evolyutsiya sibirskoy prozy nachala XX veka* [Circle of ideas and the evolution of Siberian prose beginning of the 20th century]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, TSU, 1998, 178 p.
- Averkiyev D. V. Vsyakomu po plechu [Everybody can do it]. *Epokha*. 1865, no. 2.
- Borev Yu. B. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, Politizdat, 1981, 399 p.
- Bulycheva V. P. Strukturno-kompozitsionnyye osobennosti detektivnogo zhanra [Structural and compositional features of a detective genre]. In: *Aktual'nyye voprosy filologicheskikh nauk: Materialy II Mezhdunar. nauch. konf., Chita, iyul' 2013 g.* [Actual problems of philological sciences: Proc. of the 2nd intern. scientific conf., Chita, July 2013]. Chita, Molodoy uchenyy, 2013, pp. 32–38. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/80/4068/> (accessed 17.10.2018).
- Feoklistova V. M. *Inoyazychnyye zaimstvovaniya v russkom literaturnom yazyke 70–90-kh godov XX veka* [Foreign borrowings in the Russian literary language of 70–90-ies of the XX century]. Cand. philol. sci. diss., Tver', 1999, 227 p.
- Golova K. V. *Retseptsiya tvorchestva E. T. A. Gofmana v russkoy literature pervoy trety XIX veka* [Reception of E. T. A. Hoffmann in Russian literature of the first third of the 19th century]. Cand. philol. sci. diss., Magnitogorsk, 2006, 199 p.
- Gun G. E. Protsepy vzaimodeystviya v khudozhestvennoy kul'ture [The processes of interaction in the artistic culture]. *Vestnik of Nosov Magnitogorsk State Technical Univ.* 2011, no. 3, pp. 103–105.
- Konstantinova N. V. *“Gogolevskiy tekst” v rannikh proizvedeniyakh F. M. Dostoyevskogo* [“Gogol text” in the early works of F. M. Dostoevsky]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 230 p.
- Krestovskiy V. V. *Peterburgskiy trushchoby. Polnoye izdaniye v odnom tome* [Petersburg slums. Full edition in one volume]. Moscow, Al'fa-Kniga, 2017, 1213 p.
- Matveenko I. A. *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoy literature 1830–1900-kh godov* [The perception of the English social crime novel in Russian literature of the 1830–1900s]. Dr. philol. sci. diss. Tomsk, 2014, 281 p.
- Ne-Krestovskiy V. Tomskiy trushchoby [Tomsk slums]. *Sibirskiy otgoloski*. 1908, no. 156, p. 2; no. 179, p. 2; no. 190, p. 2; no. 198, p. 2; no. 203, p. 2; 1909, no. 14, p. 2; no. 33, p. 2; no. 106, p. 2; no. 171, p. 2; no. 197, p. 2.
- Ne-Krestovskiy (V. Kuritsyn). *Tomskiy trushchoby* [Tomsk slums]. Tomsk, Krasnoye znamya, 1990, 215 p.
- Pakhsar'yan N. T. Chitatel' i pisatel' vo frantsuzskom romane-fel'yetone XIX veka [Reader and writer in the 19th-century feuilleton French novel]. In: *Filologiya v sisteme sovremennogo universitetskogo obrazovaniya: Materialy mezhvuz. nauch. konf., 22–23 iyunya 2004 g.* [Philology in the system of modern university education: Materials intercollege. scientific Conf., June 22–23, 2004]. Moscow, 2004, iss. 7, pp. 12–17.
- Roshchina O. S., Farafonova O. A. Pushkinskiy tekst v lirike A. A. Feta [Pushkin text in the lyrics of A.A. Feta]. In: *Tekst i teksty: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Texts and Texts: Interuniversity Collection of Scientific Works]. T. I. Pecherskaya (Ed.). Novosibirsk, 2010, pp. 74–87.
- Saf'yannikova G. V. Frazeologicheskiye vyrazheniya v romane V. V. Krestovskogo “Peterburgskiy trushchoby” [Phraseological expressions in the novel by V. V. Krestovsky “Petersburg Slums”]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017, no. 6(72), pp. 147–149.
- Serebrennikov N. V. G. N. Potanin, N. M. Yadrinsev i Vs. V. Krestovskiy [G. N. Potanin, N. M. Yadrinsev and Vs. V. Krestovsky]. *Tomsk State Univ. Journal*. 2003, no. 277, pp. 129–132.
- Serzh V. Sovremennyy frantsuzskiy fel'yeton [Modern French feuilleton]. In: *Fel'yeton: Sb. st.* [Feuilleton: coll. of art.]. Yu. Tynyanov, B. Kazanskiy (Eds). Leningrad, Academia, 1927, p. 42.
- Sharandina N. N. *Argoticheskaya leksika v funktsional'nom aspekte* [The argotic vocabulary in a functional aspect]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tambov, 2000.
- Zenkin S. N. Mechty i mify E. Syu [Dreams and Myths of E. Sue]. In: Syu E. *Parizhskiy tainny. T. I* [Mysteries of Paris. Vol. 1]. Moscow, 1989, pp. 9–10.